

Анатомический корпус стоял в самой глубине кампуса, отдельно от остальных зданий. Серые стены давно потеряли свежесть, а в воздухе круглый год держался запах формалина. Когда Цяо Е впервые толкнул дверь анатомической лаборатории, именно этот запах ударил ему навстречу раньше всего.

Резкий и холодный, он словно невидимая рука проник прямо в нос и без всяких церемоний заставил человека собраться и стать серьезнее. Цяо Е инстинктивно задержал дыхание, но, оглядевшись, заметил, что ни один из первокурсников вокруг даже не прикрывает нос.

Лабораторные столы тянулись ровными рядами. На каждом лежала белая простыня.

Под простынями — анатомические доноры.

Профессор Бай, который вел этот курс, был сед и немногословен. Когда прозвенел звонок, он не стал сразу открывать учебник и читать лекцию. Вместо этого велел всем встать и почтить молчанием безмолвные тела под белыми простынями.

В лаборатории сделалось так тихо, что каждый слышал собственное сердцебиение. Даже стрёкот цикад за окном будто отступил далеко за пределы этой торжественной тишины.

Цяо Е опустил голову и, сам того не замечая, уцепился за сустав пальца. Он знал: под белыми простынями лежат люди, которые в последний момент своей жизни целиком отдали себя незнакомцам только ради того, чтобы эта кучка ещё ничего не умеющих мальчишек и девчонок когда-нибудь смогла на другом столе удержать живого человека здесь, среди живых.

Старая история, о которой он не мог говорить запросто, снова смутно поднялась из памяти вместе с запахом формалина. Цяо Е не позволил ей всплыть слишком высоко: сильнее впился ногтем в сустав и загнал воспоминание обратно.

И именно в этот момент он почему-то посмотрел по диагонали напротив.

Пэй Цзюэ тоже стоял с опущенной головой. На лице, обычно таком бесстрастным и до раздражения невозмутимым, сейчас лежала почти благоговейная серьёзность. Он смотрел вниз и был так тих, что совсем не походил на вчерашнего мерзавца, умевшего одной фразой вывести Цяо Е из себя. Тот непонятно почему на секунду замер, а потом поспешно отвёл глаза, решив, что ему просто показалось.

Когда минута молчания закончилась, мутноватые глаза профессора Бая медленно обвели аудиторию и в конце концов остановились на Цяо Е и Пэй Цзюэ.

— Слышал, в этом наборе у нас сразу два отличника, — неспешно произнёс старик. — Вот и хорошо. К первому столу — вы двое. Выходите.

Все взгляды в лаборатории разом, словно по команде, впились в них.

Цяо Е и Пэй Цзюэ один за другим подошли к главному столу. Между ними лежал анатомический донор. Они встретились глазами — и ни один не собирался уступать ни на шаг.

Задание профессора Бая было несложным: выполнить ряд самых базовых поверхностных манипуляций. Требование одно — точность и соблюдение техники. Повредишь хотя бы одну соседнюю структуру — проиграл. Проще говоря, проверяли, у кого рука устойчивее и глаз острее.

— Начинайте, — сказал старик, отступая в сторону и сцепив руки за спиной. Даже взгляд не поднял.

Цяо Е глубоко вдохнул, надел перчатки и взял скальпель.

В тот миг, когда рукоять легла ему в ладонь, вся его привычная неугомонная резкость мгновенно исчезла. Это было единственное, чем он по-настоящему гордился, и единственное, ради чего был готов изматывать себя до предела. Ради сегодняшнего первого разреза он листал толстый анатомический атлас, пока края страниц не загнулись, и снова и снова тренировался на моделях до глубокой ночи, пока каждое направление движения не отпечаталось в мышечной памяти.

Лезвие опустилось — чисто, решительно, быстро и точно. Слой за слоем он раскрывал ткани, не отклоняясь ни на волос. Тускло-жёлтый свет лампы вытягивал длинную тень от его склонённой фигуры, запах формалина лез в нос, а вокруг стояла такая тишина, что слышался лишь едва заметный металлический звон инструментов. Весь мир сузился до маленького пространства под кончиком скальпеля. Пот стекал по виску, но вытереть его было некогда. Десятки взглядов были прикованы к главному столу, к двум лезвиям в руках Цяо Е и человека напротив. Он чувствовал тяжесть этих взглядов, но стоило сделать первый разрез — и весь внешний мир оказался отгорожен. Оставались только он, скальпель и тот, кто доверил ему своё тело.

Спокойно, снова и снова говорил он себе. Ты тренировался. Ты справишься.

Но стоило случайно скользнуть взглядом в сторону, как сердце у него тяжело ухнуло вниз.

Человек напротив будто вообще не прилагал усилий.

Пэй Цзюэ держал скальпель так красиво, словно эту позу вырезали прямо из иллюстрации в учебнике. Запястье не дрогнуло ни на долю миллиметра, каждый разрез ложился ровно туда, куда должен, движения текли одно в другое свободно и без напряжения. Цяо Е пришлось довести себя до предела, чтобы добиться такой точности. А у этого человека всё выглядело так, будто он родился с такими руками — как бы ни использовал их, ошибиться невозможно.

Слово «талант» впервые в жизни встало перед Цяо Е настолько конкретно и настолько болезненно.

В горле пересохло. Он снова надавил ногтем на сустав, заставляя себя больше не смотреть в сторону, и сосредоточенно довёл до конца последний разрез. Убирая скальпель, всё-таки не выдержал и резко глянул на соперника.

Пэй Цзюэ как раз поднял глаза и поймал его взгляд. Медленно приподнял бровь. На лице ясно читалось: «Что, не поспеваешь?»

Цяо Е едва не выругался вслух. Но ругательство уже дошло до горла, а он всё же силой проглотил его. Здесь, в этой комнате, перед учителями под белыми простынями, он не мог позволить себе потерять самообладание. Вместе с руганью он проглотил и всё своё негодование, мысленно только зло отметил: ладно, жди. Цяо Е за всю жизнь никому не уступал и уж точно не уступит человеку, который умеет только стоять рядом и смотреть, как он оступится.

Профессор Бай неторопливо подошёл, нагнулся, сначала осмотрел работу Цяо Е, потом — Пэй Цзюэ. Смотрел долго. В его мутных глазах понемногу зажёгся свет.

— У Цяо Е, — наконец произнёс старик, — видно, сколько труда вложено. Всё по правилам, придраться не к чему.

Ком в горле Цяо Е уже начал опускаться.

— А у Пэй Цзюэ, — вдруг сменил тон профессор, — есть дар. Настоящий природный дар.

И вот эти два слова — «природный дар» — снова намертво застряли у Цяо Е в груди. «По правилам» и «дар» звучали как похвала оба, но вес у них был разный, и он прекрасно это понимал.

— Ничья, — профессор Бай выпрямился и неожиданно слегка улыбнулся. — Тридцать лет преподаю анатомию. Чтобы в одном наборе сразу два первокурсника вышли к столу и ни один не дрогнул — редкость. Интересно.

Стоило прозвучать слову «ничья», как по аудитории снова прошёл неумолкающий гул.

Цяо Е и Пэй Цзюэ вновь встретились взглядами. На этот раз в их глазах уже не было вчерашнего чистого раздражения. Появилось кое-что ещё — словно два хищника одного вида, стоя по разные стороны добычи, впервые по-настоящему оценили силу, зубы и когти друг друга.

Соперник.

Равный соперник, которого не удастся легко прижать к земле.

В душе Цяо Е всё переворачивалось. Он и сам не понимал, радоваться ему или злиться. Уже открыл рот, собираясь сказать что-нибудь, чтобы вернуть себе преимущество, но профессор Бай в этот момент хлопнул в ладони и вновь собрал внимание всей аудитории.

— Дальше этот курс будете проходить группами, — спокойно сказал старик. — По четыре человека. В одном составе весь семестр. Итоговая оценка общая: один за всех и все за одного. Хорошо сработали — выигрывают все. Кто-то подвёл — страдают все.

Снизу разом донёсся дружный вдох ужаса.

— А как поделимся... — профессор Бай медленно взял с кафедры старую ржавую металлическую коробку, внутри которой лежали свёрнутые бумажки с номерами, и дважды потряс её. — Я человек, который верит в судьбу. Тянем жребий.

Цяо Е уставился на качающуюся ржавую коробку, и сердце у него без всякой причины тяжело ёкнуло.

<http://bllate.org/book/21871/2271003>